

Актуальные проблемы востоковедения

УДК 94 (57)

DOI: 10.17223/19988613/53/17

В.А. Бармин

О НЕКОТОРЫХ ПРИЧИНАХ ВОЗНИКНОВЕНИЯ БАСМАЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ В ТУРКЕСТАНЕ В 1918–1923 гг.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-81-01007
«Социально-политические процессы в Степном крае и Туркестане в период Гражданской войны (1918–1922 гг.)
и их отражение в исторической памяти населения постсоветских государств Центральной Азии».*

Статья посвящена сложной и дискуссионной проблеме, связанной с причинами возникновения басмаческого движения на территории Туркестана в 1918–1923 гг. На основе вновь выявленных и впервые вводимых в научный оборот источников автор показывает, что причинами возникновения и развития в регионе басмаческого движения, среди прочего, стали: непродуманная политика советского руководства в области межнациональных отношений, игнорирование особенностей конфессионального характера, оскорбительное поспешное изменение обычаев и традиций коренного населения и, наконец, грубейшие нарушения воинской дисциплины со стороны бойцов и командиров Красной армии.

Ключевые слова: басмаческое движение; советская власть; Туркестан.

В ряду неоднозначных и дискуссионных вопросов истории новейшего времени молодых государств Центральной Азии, получивших свою независимость после распада Советского Союза, наиболее сложной проблемой сегодня представляется басмаческое движение, возникшее после установления в Туркестане советской власти и продолжавшее действовать с разной степенью активности, по крайней мере, до конца 1930-х гг. Историография этого вопроса берет свое начало еще от первого периода движения и активно развивается до настоящих дней. При этом один из центральных вопросов непрекращающихся в среде исследовательского сообщества дискуссий – в чем заключаются основные причины возникновения басмачества и «почему басмаческое движение привлекало в свои ряды столь большое количество участников из разных социальных групп коренного населения Средней Азии» – по-прежнему остается в исторической науке нерешенным [1. С. 29].

Это обстоятельство определяет необходимость нового обращения к указанной проблеме с целью более тщательного анализа на основе вновь выявленных архивных источников, ранее по разным причинам недоступных исследователям или оставшихся за рамками их внимания. Наряду с этим изменение геополитической ситуации в Центрально-Азиатском регионе заставляет во многом по-новому взглянуть на роль указанных событий в истории дальнейшего становления советского государства, а в более широком контексте и на причины его распада.

Советская власть в Ташкенте была установлена буквально через несколько дней после победы большевиков в Петрограде. 28 октября 1917 г. Совнарком Тур-

кестанского края отстранил от должности областных комиссаров Временного правительства; вместо них были избраны областные Совнаркомы [2. С. 476].

С 15 по 22 ноября в Ташкенте проходил III Краевой съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Одним из наиболее важных и острых вопросов в работе съезда стал вопрос организации краевой власти. При его обсуждении делегаты съезда разделились на две основные группы. Первая группа, представленная в основном объединенными социал-демократами, считала, что власть должна состоять из представителей Совета солдатских, рабочих и крестьянских депутатов, городских самоуправлений и мусульман (курсив мой. – В.Б.). В то же время вторая группа, в которую входили большевики и социалисты-революционеры-максималисты, доказывала, что краевая власть должна быть создана по образцу советского правительства в России. Подразумевалось, что Туркестаном должен управлять Совет народных комиссаров, формирующийся из большевиков, левых социалистов-революционеров (без мусульман и представителей городских самоуправлений, поддерживавших Временное правительство).

В итоге съезд избрал новый верховный орган края: Совет народных комиссаров. При формировании СНК было решено не допускать в его составе на руководящие должности представителей местного мусульманского населения. Это решение съезд объяснял тем, что «Привлечение в настоящее время мусульман в органы высшей краевой революционной власти является неприемлемым как ввиду полной неопределенности отношения туземного населения к власти солдатских, рабочих и крестьянских депутатов, так и ввиду того, что среди туземного населения нет пролетарских клас-

совых организаций, представительство которых в органе высшей власти фракция приветствовала бы» [3. Л. 11]. Осознавая, что такое решение может вызвать негативную реакцию коренного населения края, делегаты съезда поясняли в своей резолюции по этому вопросу, что «отнюдь не устраняются от активной работы широкие слои населения, так как каждый из народных комиссаров, стоящий во главе той или иной отрасли жизни края, будет иметь руководящее значение каждый в своей сфере деятельности, проводниками же в жизнь выставляемых всем СНК принципов, явятся те съезды представителей с мест, *не исключая мусульман* (курсив мой. – В.Б.), которые будут периодически созываться тем или иным комиссаром». «Таким образом, – гласила резолюция, – ни местное туземное население, ни местные интеллигентные слои не устраняются от активной работы по улучшению быта и жизни края, а наоборот, привлекаются к этой работе» [Там же].

Однако такое разъяснение вряд ли устраивало национальную буржуазию, интеллигенцию и сколь-нибудь грамотную часть коренного населения. Надо полагать, что решение съезда сыграло значительную роль в том, что целый ряд национальных партий и мусульманских общественных организаций («Шурои Улема», «Иттифак», «Шурои Исламия») на своих собраниях и съездах объявили о непризнании новой власти. Улемисты, например, объявили об этом на самом III съезде, где были представлены их делегаты. В итоге национальный вопрос стал в Туркестане одним из наиболее проблемных, и именно этот вопрос, как показали дальнейшие события, во многом определит формирование и деятельность басмаческого движения.

Первым серьезным сигналом, требовавшим от новых властей настоящего внимания к национальному вопросу, стало создание Кокандской автономии. В ответ на создание в Ташкенте Совета народных комиссаров, 26 ноября 1917 г. в Коканде под руководством «Шурои Исламия» был создан IV Всетуркестанский Курултай мусульман. 27 ноября делегаты Курултая приняли резолюцию о провозглашении Туркестанской автономии – «Туркистон мухторияти». В советской истории это образование известно под названием «Кокандская автономия». Съезд избрал органы власти: Временный Народный Совет (парламент) и Временное правительство Автономного Туркестана.

П.А. Кобозев являвшийся в ноябре 1917 г. – феврале 1918 г. чрезвычайным комиссаром ВЦИК и СНК РСФСР по Средней Азии и Западной Сибири, а затем первым председателем ЦИК Туркестанской СФР, отмечал в своих воспоминаниях, что делегаты Всетуркестанского Курултая мусульман в проекте положения об автономии отдельно записали: «Не желая иметь конфликт между своими братьями русскими и мусульманами, – высказываем наше первое и последнее слово: не вмешиваться в наши национальные дела, не ставить препятствий к осуществлению нашего самоопределения... Дайте нам убедиться, что вы искренне руковод-

ствуете вашими лозунгами о самоопределении и воззваниями, обращенными к трудящимся Востока» [4. Л. 6–7].

Таким образом, в регионе сложилось формальное двоевластие. В условиях, когда большевики понимали власть как диктатуру пролетариата и опирались на армию, «возможности для решения вопроса национального самоопределения путем мирных демократических процедур, на чем продолжали настаивать лидеры автономистского движения, были фактически исчерпаны» [5. С. 231].

В январе 1918 г. правительство Кокандской автономии получило ультиматум Ташкента о признании советской власти, но отказалось его принять. Для ликвидации самопровозглашенной Туркестанской автономии из Москвы в Ташкент прибыли 11 эшелонов с войсками и артиллерией под командованием К. Осипова. В состав карателей входили также вооруженные дашнакские отряды. В результате карательных акций погибли десятки тысяч мирных жителей. Особой жестокостью при этом отличились дашнаки [6. Л. 16].

Именно после разгрома Советами Кокандской автономии возникли первые значительные очаги басмаческого движения. На это прямо указывал ответственный секретарь ЦК КП(б) Туркестана И. Сольц в статье «К борьбе с басмачеством», опубликованной в газете ЦИК Туркестанской республики «Известия» 25 мая 1921 г. Он, в частности, писал, что «в восьмидневных боях за “Кокандскую автономию” в январе 1918 года родилось басмачество как широкое национальное движение, направленное против русской власти». Здесь же автор статьи вполне откровенно объясняет причины широты и массовости басмаческого движения. По его мнению, «Кокандские события» фактически были бойней для невооруженных мусульманских масс города (полупролетарских и мелкобуржуазных). Впечатления этой бойни должны были надолго отравить ядом национальной вражды трудящихся мусульман и «заставить сотни даже тысячи их бежать, отступить вместе с бандами Иргаша вглубь страны, в недоступные русской власти районы» [7. Л. 97]. Это мнение полностью разделял начальник разведывательной части штаба Туркфронта военком Ипполитов. В справке «О движении басмачества в Туркестанской республике с 1920-го по октябрь 1923 года» он указывал, что «возникшее с момента разгрома “Кокандской автономии” ферганское басмачество сразу обнаружило тенденцию к быстрому росту и развитию» [8. Л. 1].

Дополнительным мощным фактором, повлиявшим на дальнейшее распространение и массовость басмачества, стала авантюра, известная как «Колесовский поход на Бухару». Бухарский эмират, возникший в 1785 г., в 1868 г. попал в вассальную зависимость от Российской империи и стал ее протекторатом. После установления в Туркестане советской власти Совнарком РСФСР признал независимость Бухары и отменил соглашение о протекторате России. В самой Бухаре к

этому времени достаточно активно действовало политическое движение, сформировавшееся на основе идей джадидизма и получившее название «младобухарцы». После неудачных попыток склонить эмира к проведению реформ младобухарцы решили добиться своей цели с помощью вооруженного восстания и обратились за помощью к советскому правительству в Ташкенте. В марте 1918 г. большевистское руководство Туркестана, исходя из завышенных оценок протестных настроений населения Бухарского эмирата, предоставленных ему младобухарцами, предприняло поход на Бухару с целью свержения власти эмира. Однако этот «дикий», как назвал его в своих воспоминаниях П.А. Кобозев, поход под руководством возглавлявшего в тот период СНК Туркестана Ф.И. Колесова закончился провалом [5. С. 270].

Активный участник этих событий и будущий крупный военачальник Красной армии И. Куц отмечал в своих мемуарах: «Начинать войну с Сеидом Алимханом (эмиром Бухары. – В.Б.) было не в наших интересах. Туркестанская республика и без того истекала кровью. Для бухарской экспедиции удалось выделить лишь около тысячи бойцов. Это были плохо вооруженные отряды, собранные со всех концов Туркестана» [9. С. 30].

Помимо неудачи военного характера, Колесовский поход стал яркой иллюстрацией еще одного крайне негативного явления в процессе становления и деятельности новой власти. Появление красновардейских частей в Бухаре и ее окрестностях сопровождалось массовыми грабежами, мародерством и убийствами мирного населения. Достаточно объективную оценку результатов такой деятельности приводит на своих страницах популярная в рассматриваемый период ташкентская «Наша газета». В номере от 28 апреля 1918 г. она писала: «Поход, затеянный бывшим в то время председателем Совета Народных Комиссаров Туркменской Республики Колесовым, резко повлиял на политику Бухары и в корне изменил ее отношение к России. Поход был неудачен и не достиг своей цели, а бухарский народ, который был ограблен недисциплинированными отрядами, озлобился до того, что потребовал войны с Туркестанской Республикой» [10. Л. 2]. В свою очередь П.А. Кобозев отметил в своих воспоминаниях, что отряды Красной гвардии «вернулись из Кокандского и Бухарского налетов с массой реквизированных... денег, коров, лошадей и прочего. Часть из них они официально сдали казначейству и правительству Республики, а значительную часть утаили себе» [11. Л. 2]. В результате нараставшее у коренного населения чувство протеста стало переходить в вооруженное сопротивление. Командующий группой войск Красной армии в Фергане Михаил Сафонов по этому поводу позже писал: «Ограбленные родственники убитых и изнасилованных, избитые – все это превращалось (согласно обычаю) в кровавых мстителей, и так как мстить приходилось не отдельным личностям, а “советским войскам”, то мстители вступали в ряды противной стороны, то есть к басмачам» [12. Л. 76].

Начиная с 1919 г. одним из наиболее активных районов развития басмаческого движения в Туркестане стал район Ферганской долины. Уже к концу 1918 г. здесь против большевиков действовали около 40 повстанческих отрядов, в которых сражалось более 7 тыс. бойцов [8. Л. 1]. Избегая боевых столкновений с крупными частями, басмачи совершали налеты на кишлаки, небольшие городки, убивали представителей советской власти, уничтожали небольшие войсковые гарнизоны и скрывались в труднодоступных районах, часто расположенных в горной местности или песках.

В этих условиях советские власти попытались решить проблему, используя традиционные способы борьбы с партизанским движением: брали заложников, уничтожали целые селения. В 1922 г. председатель Совнаркома Туркестана К. Атабаев, анализируя ход борьбы с басмачеством, заявлял следующее: «Мы думали одно время ликвидировать басмачество огнем и мечом. В этих целях более или менее крупные кишлаки, “пораженные басмачеством”, уничтожались беспощадно, вследствие чего население уходило от советской власти все дальше и дальше. Не помогла нам и общая оккупация всей Ферганы. Население оставалось враждебным к нам...» [13. С. 83–84]. Таким образом, усиление репрессий только ожесточало население, оно с оружием в руках включалось в борьбу с большевиками и увеличивало количество басмачей. В отдельные периоды их формирования достигали численности 8–10 тыс. человек.

Активное влияние на развитие и массовость басмаческого движения в Туркестане, в том числе поставками оружия и засылкой своих офицеров и даже целых воинских отрядов, оказывали власти Афганистана и Англии. Так, английское консульство в Кашгаре (китайская провинция Синьцзян. – В.Б.) направляло в Фергану в отряды басмачей своих агентов, пересылало оружие и деньги. В феврале 1919 г. английский консул передал бывшему царскому консулу 100 тыс. руб. для передачи басмаческим курбаши. Сюда же прибыли из иранского Мешхеда представители английского военного командования [14. С. 56]. Еще 13 ноября 1918 г. на совещании британского кабинета лорд Милнер, представлявший военное министерство, заявил, что интересы Британской империи требуют ликвидации большевизма «в районах к востоку от Черного моря». При этом он объяснил, что имеет в виду «Кавказ, Дон и Туркестан» [14. С. 40]. С первых месяцев своей деятельности руководители крупных отрядов басмачей установили тесные связи и с белогвардейцами. Во многих отрядах басмачей воевали русские офицеры и бывшие чиновники царской администрации в Туркестане.

Пытаясь обобщить опыт и найти наиболее действенные формы борьбы с басмачеством, советское и партийное руководство одновременно с этим прилагало, как представляется, искренние усилия к тому, чтобы понять, какие факторы способствуют росту басма-

ческого движения и притоку в его ряды широких масс населения. Отдел военного контроля Главного штаба войск Туркестанской республики сообщал в направленной командованию записке, что «Туземное население присоединяется к Мадамин-беку, и все его распоряжения выполняются охотно... Если бы хватило у Мадамин-бека оружия, то все туземное население, живущее в кишлаках, как один взяли бы за него и пошли бы вместе с Мадамин-беком» [15. Л. 1].

Основной тезис советских и партийных органов при объяснении причин возникновения и быстрого распространения басмаческого движения в Туркестане строился, как правило, на том, что невежественное и фанатично религиозное население вливается в ряды басмачей под влиянием родовых и племенных вождей, религиозных авторитетов, беков и мулл (т.е. всех тех, кто по объективным причинам оказался врагом революции) и начавшихся в регионе социально-экономических реформ. Отчасти такая формулировка причин этого явления соответствовала реальному положению. Но только отчасти. На самом деле более мощное воздействие на развитие ситуации оказывали, как уже отмечалось выше, факторы, порожденные деятельностью самой новой власти в лице ее партийных и советских органов, а также частями Красной армии.

В июле 1919 г. орган ЦК КПТ и СНК Туркестана газета «Известия» опубликовала статью, под названием «Какова действительность» о борьбе с басмачеством в Фергане и подписанную псевдонимом Нелли-Ленталь. Автор статьи пытался доказать, что пропаганда и агитация, направленные против басмачей, дают ощутимые результаты. Он, в частности, писал: «Через несколько дней после митинга, после нашего ухода в селении Аим стало известно о приближении разбойников (басмачей. – В.Б.). Все население: старики, женщины, дети – вышло навстречу разбойникам и заявило: через наши трупы вы войдете в кишлак» [12. Л. 69].

Командующий ферганской группой войск Красной армии М. Сафонов, комментируя в своем отклике этот пример, с иронией замечает: «Однако до чего легко поддаются эти сарты митинговым речам, подумает читатель, доверившись на слово Нелли-Ленталь. Каково же будет его удивление, когда он узнает, что в этом походе коноваловские отряды перебили до десяти ты-

сяч сартов и обещали сравнять с землей всякий кишлак, в котором окажутся басмачи. Поэтому не митинговые речи сагитировали сартов ложиться под басмаческих лошадей, а безвыходность и полное отчаяние. Пропускать такие факты – значит не выяснять, а затуманивать действительность» [12. Л. 69]. Далее М. Сафонов дает развернутую и убедительную картину тех обстоятельств и факторов, которые способствовали появлению массового басмаческого движения в регионе. В их число он включает проблему межнациональных отношений, анархию, беззаконие и насилия, связанные с революционными событиями. Отдельно командарм останавливается на отрицательной роли бойцов Красной армии. «При сохранении недисциплинированности, – замечает красный командарм, – Красная армия не ликвидировала басмачество, а усилила его рост, не укрепила советскую власть, а дискредитировала ее» [Там же. Л. 83]. Таким образом, предпринятая в настоящей статье попытка анализа причин возникновения басмаческого движения в Туркестане позволяет сделать следующие выводы.

Возникновение и широкое распространение басмаческого движения на территории Туркестана в 1918–1923 гг. наряду с очевидными объективными факторами стали следствием грубейших ошибок советского руководства в реализации внутренней политики. Экономическая и социальная отсталость Туркестана требовали особой гибкости и постепенности в осуществлении революционных преобразований. Однако это требование в большинстве случаев не учитывалось в практической деятельности советских и партийных работников. По сути полное отсутствие в центральном руководстве Республики специалистов, хорошо знающих местные условия, профессионально разбирающихся в вопросах этнополитического и этносоциального характера, в сочетании с радикализмом в проведении реформирования повседневной жизни и быта населения определили нарастание противостояния между властью и обществом, которое быстро переросло в открытую вражду. Просчеты в области межнациональных отношений, игнорирование особенностей конфессионального характера, оскорбительное отношение к обычаям и традициям коренного населения усугублялись грубейшими нарушениями воинской дисциплины со стороны бойцов и командиров Красной армии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пылев А.И. Об идеологических течениях басмаческого движения в Средней Азии в начальный период (1918–1920 гг.) // Вестник СПбГУ. Сер. 2. 2003. Вып. 2, № 10.
2. Батыров Ш.Б., Минц И.И. Победа Советской власти в Средней Азии и Казахстане. Ташкент, 1967.
3. Российский государственный архив социально-политической истории (далее РГАСПИ). Ф. 71. Оп. 34. Д. 1632.
4. РГАСПИ. Ф. 133. Оп. 1. Д. 24.
5. Лысенко Ю.А., Бармин В.А., Анисимова И.В. и др. Этнополитические процессы в центральноазиатских окраинах России в период революций 1917 г. Барнаул, 2017.
6. РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 1503.
7. РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 1527.
8. РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 1480.
9. Куц И.Ф. Годы в седле. М., 1964.
10. РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 1483.
11. РГАСПИ. Ф. 133. Оп. 1. Д. 25.
12. РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 1585.
13. Михайлов В.Ф. Хроника великого джута // Юность. 1990. № 1.

14. Зевелев А.И., Поляков Ю.А., Чугунов, А.И. Басмачество: возникновение, сущность, крах. М., 1981.
15. РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 1525.

Barmin Valeriy A. Altai State Pedagogical University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: valbarmin@mail.ru

SEVERAL REASONS FOR EMERGENCE OF THE BASMACHI MOVEMENT IN TURKESTAN IN 1918-1923.

Keywords: basmachi movement; Soviet power; Turkestan.

The following article is devoted to a complicated and continuous issue, connected with reasons for the emergence of the Basmachi movement on the territory of Turkestan after Soviet power was established. It considers methods that were used by the Bolshevik Government to combat this movement.

On the ground of the new identified sources from the central archives of Russia, works of Soviet, Russian and foreign scholars, the author reveals that among the causes that determined the emergence and large scale of the Basmachi movement, strategic mistakes, made by the new government, take central stage. Amongst other mistakes there are bad Soviet Government policy in international relations, disregarding of peculiar local conditions including denominational nature, abusive treatment of customs and traditions of indigenous people. These errors were compounded by soldiers and commanders of the Red Army, flagrantly violating military discipline. Sometimes these violations turned into massive crimes. Consequently at the beginning of 1918 indigenous people of the region began armed resistance to the new government. By early 1919 ravaged and few in number Basmachi squads started to organize themselves into major units, moreover, the movement became massive.

Methods used by the Soviet Government to combat the Basmachi in the first stage of the movement involved force. However, soon it became obvious that cruelty and ruthlessness towards civilian population that featured the Red Army at that period only aggravated the situation and contributed to the development of the Basmachi movement. There were extremely few indigenous representatives of the region in the rank of soldiers and commanders in particular and it seemed to be a serious problem. Beyond that in power there were no specialists who were aware of the specifics of the local ethnic religious and ethnodemographic conditions. With this in mind, numerous actions were taken to attract local representatives to central and local authorities as well as to the Red Army. Besides, the situation was eased by the abolition of surplus appropriation system, waiver of radical reforms in people's daily life and flagrant interference in the sphere of religious terms.

Accordingly, the analysis of the addressed problem implies that emergence and widespread of the Basmachi movement in Turkestan in 1918-1923 along with several other reasons appeared to be the result of gross miscalculations and mistakes of the Soviet Government in their policy towards indigenous people of the region. At the same time force methods to combat the movement, accompanied by cruelty and lawlessness, led to its increase. Consequently, the Soviet power of Turkestan had to seek and implement the forms and methods to combat the Basmachi movement which led to decrease the tension degree and partly regain masses' credibility to the government.

REFERENCES

1. Pylev, A.I. (2003) Ob ideologicheskikh tekhnicheskikh dvizheniyakh basmacheskogo dvizheniya v Sredney Azii v nachal'nyy period (1918-1920 gg.) [On the ideological currents of the Basmachi movement in Central Asia in the initial period (1918-1920)]. *Vestnik SPbGU – Vestnik of St. Petersburg University*. 2(10).
2. Batyrov, Sh.B. & Mints, I.I. (1967) *Pobeda Sovetskoy vlasti v Sredney Azii i Kazakhstane* [The victory of Soviet power in Central Asia and Kazakhstan]. Tashkent: FAN.
3. The Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). Fund 71. List 34. File 1632.
4. The Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). Fund 133. List 1. File 24.
5. Lysenko, Yu.A., Barmin, V.A., Anisimova, I.V. & et al. (2017) *Etnopoliticheskiye protsessy v tsentral'noaziatskikh okrainakh Rossii v period revolyutsiy 1917 g.* [Ethnopolitical processes in the Central Asian suburbs of Russia during the revolutions of 1917]. Barnaul: [s.n.].
6. The Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). Fund 71. List 34. File 1503.
7. The Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). Fund 71. List 34. File 1527.
8. The Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). Fund 71. List 34. File 1480.
9. Kuts, I.F. (1964) *Gody v sedle* [Years in the saddle]. Moscow: Voenizdat.
10. The Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). Fund 71. List 34. File 1483.
11. The Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). Fund 133. List 1. File 25.
12. The Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). Fund 71. List 34. File 1585.
13. Mikhaylov, V.F. (1990) *Khronika velikogo dzhuta* [Chronicle of the Great Jute]. *Yunost'*. 1.
14. Zevlev, A.I., Polyakov, Yu.A. & Chugunov, A.I. (1981) *Basmachestvo: vozniknoveniye, sushchnost', krakh* [Basmachestvo: the emergence, essence, collapse]. Moscow: Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury.
15. The Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). Fund 71. List 34. File 1525.